

Кен Хиршкоп (*Ватерлоо, Канада*).

Мифотворчество: почему Бахтин вернулся к будущему в 1930-е годы

Аннотация

I. Несколько шутливое вступление

На протяжении многих лет бахтиноведение было занято развенчанием мифов, которые возникли вокруг фигуры Бахтина (таких как его аристократическое происхождение; выкуренная рукопись книги о романе воспитания; его безразличие к публикациям и полемике).

Замена мифов свидетельствами, основанными на фактах, является делом важным и отрезвляющим, но трезвость нередко доставляет меньшее удовольствие, чем опьянение.

Поэтому в этом выступлении я позволю себе сконструировать небольшой миф.

II. Миф

Мой миф, как и многие другие мифы, предполагает краткий нарратив для объяснения действительно значимого и интересного явления. Он свяжет умозрительную биографическую гипотезу с трезвым научным аргументом, касающимся развития творчества Бахтина.

Научный аргумент касается серьезного поворота в работе Бахтина над романом в 1930-е годы, который, как я утверждаю, отделяет проект о романе воспитания, работа над которым прекратилась в 1937 или 1938 году, от обсуждения романа с точки зрения хронотопа и «современности», примером чего являются «Формы времени и хронотопа в романе» и эссе «Роман как литературный жанр» (эпос и роман).

Это предположение касается нескольких разговоров, которые Бахтин вел в середине-конце 1930-х годов. Я утверждаю, что эти разговоры стали спусковым крючком для этого поворота.

III. Трезвый и научный аргумент: некоторые предварительные замечания

Мы привыкли выделять три тематических направления в исследованиях Бахтина о романе: тексты о стиле, воплощенные в «Слове в романе»; тексты о повествовании, воплощенные в работах о Гете и о хронотопе; наконец, тексты о Рабле

Я собираюсь перекрыть эти границы: я считаю, что в характере работы Бахтина произошли серьезные изменения, и произошли *внутри* так называемого «лабораторного» текста о романе воспитания.

Этот серьезный поворот в аргументации Бахтина отделяет обсуждение Гете и истории романа воспитания от обсуждения хронотопа, а затем и Рабле.

Суть этого поворота – введение «будущего» в концепцию истории Бахтина и в его концепцию реализма.

IV. Научный и трезвый аргумент: роман воспитания

Текст «К роману воспитания», датированный 1937-1939 гг., состоит из более чем 700 рукописных страниц. В его первой половине Бахтин обыгрывает идеи, которые могли послужить организационным началом для его книги о Гете и романе воспитания. Фактически, материал, который был опубликован под названием «Роман воспитания и его значение в истории реализма» в 1979 году, в основном был взят из первой половины этого лабораторного текста.

В этой части текста Бахтин прослеживает медленную эволюцию романа с точки зрения того, в какой степени он представляет «историческое становление» мира.

Грубо говоря: в самых ранних романах ничего не становится; в более поздних романах «становится» герой, но не окружающий его мир; и, наконец, в зрелом романе воспитания – представленном Гете, Рабле и Гриммельсгаузеном – герой «становится *вместе с миром*» (Бахтин 2012, 331).

Но, размышляя о романе воспитания, Бахтин приходит к нескольким другим идеям. На стр. 278 печатного текста, обсуждая «художественное изображение времени», Бахтин пишет: «Историческую инверсия. Связь с будущим». Здесь же мы находим первое упоминание «хронотопа» в этом тексте.

Спустя несколько страниц после этих пассажей Бахтин рассуждает о том, как изображаются различные события – «встречи», «расставания», «дорога», завершая это известным определением:

Во всех разобранных случаях имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Термин, который мы применяем к такого рода явлениям, – *хронотоп*, что значит в дословном переводе – «времяпространство» (или «пространствовремя»). (Бахтин 2012, 287-288)

Хотя Бахтин будет продолжать размышлять о романе воспитания еще 40 страниц, он фактически уже прошел решающую поворотную точку. Он никогда не напишет книгу о романе воспитания. Вместо этого он будет применять идеи хронотопа и «будущего» для решения совершенно других задач.

В. Трезвый и научный аргумент: хронотоп

Из редакционного комментария к тексту «К роману воспитания» мы знаем, что вторая половина этого лабораторного текста состояла из материала, который позже был преобразован в «Формы времени и хронотопа в романе».

Он представляет собой новый подход к проблеме исторического становления в романе. В чем состояла его новизна?

1. Бахтин «сменил лошадей на переправе». Героем его эссе стал Рабле, а не Гете (который лишь кратко обсуждается в эссе о хронотопе).

2. Парад исторических событий в «историческое становление» теперь превращает его ориентация на мессианское 'будущее'.

3. Роман приближается к этому «историческому становлению» не за счет постепенного совершенствования его формы (как в тексте о романе воспитания), а за счет использования ресурсов древних форм народной праздничной культуры, всегда «бурливших ниже поверхности».

4. «Реализм» по-прежнему используется в качестве оценочного стандарта, но реализм теперь зависит от принятия точки зрения «современности», представляя настоящее как нечто, ориентированное на будущее.

Это изменение к лучшему: как отмечал Галин Тиханов, в 1930-х годах «Бахтин должен был ответить на давление и придать реализму первостепенное значение» (Тиханов, 2000, с. 229). В материалах о романе воспитания он делает это довольно консервативно: в реалистическом романе становление представлено как социальное развитие или изменение.

В «Формах времени и хронотопа в романе» и «Романе как литературном жанре» реализм, строго говоря, не является предметом описания или репрезентации, потому что он стремится к такому будущему и зависит от такого будущего, которое в принципе невозможно представить. Бахтин поясняет это, обсуждая историческую инверсию в эссе о хронотопе. В случаях исторической инверсии, говорит он, «изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» (Бахтин 2012: 400-401). То, что переносится с места в будущем на место в прошлом, - это «такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п.» (Бахтин 2012, 400). Будущее имеет форму «обязательства», которое меняет форму настоящего.

Кроме того, новая доктрина подразумевает иную версию «становления», модель которой – это радикальное преобразование, «возможность совершенно иной жизни», как выразился Бахтин в своем эссе о Флобере (Бахтин 1996, 132), а не постепенное изменение.

С этого момента определяющим для романа является отношение к современности.

VI. Умозрительная биографическая гипотеза

Почему произошел именно такой поворот? Есть интересная серия писем М. И. Кагана жене, написанных, начиная с августа 1937 года, когда Каган был в Москве, и Бахтин тоже был там, чудом ускользнув из Саранска.

Из этих писем мы узнаем, что первые две недели августа Бахтин провел очень много времени в разговорах с человеком, который был его самым важным философским соратником и тем посредником, через которого Бахтин впитал идеи неокантианства. О чем они говорили? Мы не знаем (и, вероятно, никогда не узнаем).

Но мы знаем:

1. что в конце 1930-х, может быть, в 1938 году, Бахтин составил обширный обзор двух работ Кассирера конца 1930-х годов: это «Индивид и Космос в философии Возрождения» и второй том «Философии символических форм», посвященный мифу.

2. что Бахтин спрашивал, можно ли позаимствовать два тома «Философии символических форм» Кассирера из библиотеки Матвея Кагана после его смерти.

3. что в бахтинском конспекте второго тома «Философии» Кассирера он отметил утверждение последнего, которое перекликалось с идеей Германа Когена о том, что монотеизм привнес в человеческое сознание своеобразное «чувство будущего», сделав возможным «время человеческой истории».

Брайан Пул, один из наших великих разрушителей мифов, однажды заметил, что Эрнст Кассирер, кажется, оказал большее влияние на творчество Бахтина в середине и конце 1930-х годов, а не ранее, хотя общепринятым было мнение, что Бахтин вышел за рамки неокантианства уже в 1920-х (Пул 1998)

Этому есть прозаическое объяснение, подтверждение чему хранится в архиве Бахтина в Саранске: Бахтин читал «Поэтику сюжета и жанра» Ольги Фрейденберг, в которой фольклору отводилась особая роль в истории литературы, а Фрейденберг находилась под сильным влиянием Кассирера (Осовский 2002; Перлина 2002)

Есть и поэтическое объяснение: Бахтин несколько раз встречался со своим другом Каганом после долгого перерыва, и их глубокие разговоры привели его к тому, что он обратился к Кассиреру снова, сделав ощущение будущего центром концепции исторического становления, воплощенного в романе.

У меня нет доказательств! Но мне кажется, что этот миф по-своему неплох.

Список литературы

Бахтин, М. М. Собрание сочинений, том 5. Москва, 1996

Бахтин, М. М. Собрание сочинений, том 3. Москва, 2012

Каган, М. И. О ходе истории. Москва, 2004.

Осовский, О. Е. М. М. Бахтин читает Фрейденоберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» '. Бахтин в Саранске, Вып. 1. Саранск, 2002. С. 24-35.

Perlina, Nina. *Olga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, 2002.

Poole, Brian. 'Bakhtin and Cassirer: The Philosophical Origins of Bakhtin's Carnival Messianism'. *South Atlantic Quarterly* 97 (3-4), 1998. 537-78.

Tihanov, Galin. *The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time*. Oxford, 2000.